

ли информанты, с криком и шумно. Напряженные ситуации разрешались авторитетными людьми — стариками.

5. Говоря об общественном мнении, следует отметить, что значительную роль в формировании индивидуальной репутации играло исполнение религиозных предписаний: «*ламаз, марха долуш, эхь — иман долуш*», — говорят чеченцы. Богобоязненность, уважение и искреннее глубокое чувство любви к Богу напрямую зависели от воспитания и высоко ценились в обществе.

Чеченская этика практиковала (в некоторой степени это сохраняется до настоящего времени) возрастной принцип проведения своеобразных сельских собраний. Так, информант из селения Бачи-Юрт сказал, что в их местности, как и по всей Чечне, после пятничной обеденной молитвы («*делкъа ламаз динчул тIаьхъа*») в мечети дают поучения, советы и т.п. — *хьехамаш бора*. После них собравшиеся делятся на группы: старшие, молодежь, подростки.

Из всех видов общения по группам наиболее массовыми, частыми и многообразными по форме были сборы молодежи. Этика поведения — гИллакх-оьздангалла — молодежи определялась традициями, но возрастная специфика вносила свои особенности в общую систему нравственно-этических воззрений и соответствующих им норм поведения. Значительное место в этике молодежи занимали регуляторы общения полов в предбрачном возрасте.

Ю. М. Ботяков

АКЪЕГЕРИЯ: ПЕРСОНАЖ АБХАЗСКОГО СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

Среди сельских специалистов, деятельность которых была направлена на нормализацию и регулирование общественной жизни традиционной абхазской общины, особое место принадлежит

брачным посредникам — *акъегерия*. В работах Ш. Д. Инал-Ипа и Л. Х. Акаба [1; 2; 3] этому персонажу сельского сообщества дана самая общая характеристика. Тем не менее приведенная авторами информация позволяет говорить о том, что термин *акъегерия* употреблялся по отношению к посредникам, характер деятельности которых имел существенные отличия. Согласно А. Х. Акаба, у абхазов Очамчирского района *акъегерия*, посредством которого заключался брак, обязательно был человеком «среднего или старшего возраста, так как посредничество юноши, по старой традиции, не имеет силы. В прошлом считалось, что чем более авторитетен посредник, тем успешнее дело заключения брака. В роли посредника в настоящее время чаще всего выступает какой-либо уважаемый в среде колхозников человек <...> Очень часто посредником избирается бригадир или лучший колхозник из бригады жениха» [1, с. 84].

Акъегерия отправлялся в дом невесты для ведения переговоров, и в случае благоприятного исхода своей миссии возвращался туда еще раз, уже для того чтобы оговорить день свадьбы. Во время этого посещения часто совершалось так называемое рукобитье *анатыемдара* или *ашьана*, включавшее в себя обмен подарками между сторонами невесты и жениха [1, с. 85]. На свадьбе за свои услуги по заключению брака *акъегерия* награждался «двумя-тремя шкурами заколотых для свадебного пира животных, в прежнее время, говорят, ему дарили шкуры всех животных, заколотых для свадьбы» [1, с. 87].

В данном случае изображен определенный тип посредника — это официальный представитель семьи жениха, функция которого ограничивается его участием в обряде сватовства. При этом, как было отмечено выше, стать *акъегерия* мог лишь представитель средней и старшей возрастных групп, к тому же обладавший значительным авторитетом в обществе.

Согласно описанию Ш. Д. Инал-Ипа, действия *акъегерия* в процессе заключения брака связаны уже не с обрядовой, а с сугубо профанной сферой. «В силу строгости своеобразных нравов, не допускавших вполне свободного общения, а также в целях лучшего, более умелого урегулирования своих брачных дел молодые часто прибегали к помощи посредника (*акъегерия*)» [2, с. 62].

В данном случае действия посредника уже имеют характер предварительного, неформального налаживания отношений как между потенциальными женихом и невестой, так и между их семьями. Широкий диапазон задач, стоявших перед посредниками, обуславливал не только наличие у них необходимых навыков, но также и то, что в роли акъегерия выступали люди не только различного возраста, пола, но и разного социального статуса. Так, в ситуации, когда к услугам акъегерия прибегали сами молодые люди, деятельность посредника нередко оставалась тайной для старших членов семьи. Согласно сведениям наших информантов, помощь в делах такого рода, как правило, брал на себя сверстник потенциального жениха, пользовавшийся его безусловным доверием. Часто акъегерия становилась его родственница — двоюродная или троюродная сестра, которая не только сообщала девушке о намерениях своего родственника, но и всячески пыталась расположить ее по отношению к нему [4, л. 17]. Безусловно, помощь такого посредника не могла распространяться дальше границ взаимоотношений между молодыми людьми.

«Умелое урегулирование брачных дел» подразумевало участие в процессе акъегерия иного типа. Этот человек должен был обладать необходимым опытом и положением, чтобы иметь право выйти на старших членов семей обеих сторон, добываясь благоприятного для жениха решения вопроса. В то же время, если обстоятельства сватовства складывались неблагоприятно, такой акъегерия разделял ответственность за более решительные действия жениха. «Если предвиделся отказ со стороны родителей невесты, жених тайно уводил ее в назначенный час, а посредник обязан был выступать одним из первых в числе его пособников» [3, с. 310–311]. И в этом случае за свои хлопоты посредник получал от жениха на свадьбе такое же вознаграждение, как и сват, т.е. «большой частью в виде кожи и головы зарезанного на свадьбе животного» [2, с. 64].

В большинстве случаев брачное посредничество не имело профессионального характера, иначе говоря, оно не было для акъегерия источником постоянного дохода. Тем не менее среди специалистов этого рода, по всей вероятности, были также и такие, кому посредничество приносило определенную материальную выгоду.

Так, Инал-Ипа упоминает акъегерия в связи с ситуацией, позволяющей оценивать брачное посредничество именно с этой точки зрения. «В селе Арасадзих один человек объявил себя посредником и пообещал пастуху Дигве Наиба, находившемуся тогда со стадом в сел. Моквы, что поженит его на девушке по имени Квараса, причем Дигва преподнес ему заранее 2 барана» [2, с. 50]. Здесь, как мы видим, речь идет именно о плате за труд посредника, а не о его символическом вознаграждении на свадьбе.

Согласно данным, полученным от наших информантов, среди сельских посредников были специалисты, стратегия поведения которых выявляет определенные предпочтения, позволяющие выделить этих акъегерия в некую условную категорию. В качестве примера рассмотрим случай, связанный с деятельностью в роли брачного посредника жителя одного из селений Очамчирского района в 1950–1970-х гг. Отличительной особенностью его деятельности, согласно полученной информации, было то, что он занимался устройством семейной жизни брачных «аутсайдеров»: женщин, вышедших из брачного возраста, холостяков, обладавших каким-либо физическим изъяном, и т.д. За всю его многолетнюю практику не было случая, чтобы среди его подопечных оказались брачные «лидеры», т.е. люди молодые, успешные, представители сильных фамилий. В подавляющем большинстве случаев инициативу по устройству новой семьи брал на себя сам акъегерия. Приобретенный опыт позволял ему безошибочно определять подходящих друг другу брачных партнеров. При этом учитывался целый комплекс параметров — от степени их родства (важнейшее условие при существующем в Абхазии экзогамном браке) до психологической совместимости. По образному выражению нашего информанта: «...одному досталась кривая, но в то же время он был достоин этой кривизны» [4, л. 20]. Значимость последствий такого целенаправленного подхода акъегерия не только для конкретных лиц, но и для сельской общины в целом прекрасно осознавалась обществом: люди неспособные без посторонней помощи создать семью «давали потомство и продолжали свой род» [4, л. 22].

Положение в общине посредника этого рода определялось многими обстоятельствами, неразрывно связанными с характером его деятельности. Подобный человек не относился к про-

слойке сельского «истеблишмента»: он не занимал должностей в сельской администрации, его не приглашали быть представителем во время официальных мероприятий и участвовать в т.н. конфликтных комиссиях, решавших различные споры как между, так и внутри фамилий. Тем не менее он пользовался большой популярностью и симпатией среди своих односельчан. Как и для большинства акъегерия, его профессиональная пригодность определялась в первую очередь свойствами характера. Его знали как человека контактного, «большого шутника», склонного к дружеским розыгрышам и обладавшего умением найти выход из любой сложной ситуации. Это был человек, владевший широкой сетью знакомств, которая охватывала большинство селений Очамчирского района и которая позволила ему сформировать обширный банк данных потенциальных брачных партнеров.

В настоящее время, согласно точке зрения наших информантов, институт брачных посредников практически прекратил свое существование. Современная ситуация такова, что сфера их деятельности значительно сузилась. В частности, такая функция акъегерия, как установление контакта между молодыми людьми, в современных условиях успешно решается последними и без помощи посредника. В абхазском обществе, как и прежде, есть лица, наделенные необходимыми для этого вида деятельности свойствами, но масштаб деятельности современных акъегерия, как правило, не выходит за рамки отдельных эпизодов оказания помощи наиболее близким людям. Насколько нам известно, в средствах массовой информации Абхазии высказывалась официальная точка зрения, согласно которой решение демографической проблемы в республике связывалось в том числе и с возрождением этого традиционного института.

Библиография

1. *Акаба Л. Х.* Абхазы Очамчирского района // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1.
2. *Инал-Ипа Ш. Д.* Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
3. *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. М., 1960.
4. Полевые материалы автора 2010 г.